

ВИКТОРИЯ КОЖУХОВА
ЕКАТЕРИНА ДИБРИВСКАЯ

РАЗВОД

Заставь меня
влюбиться снова

Виктория Кожухова Екатерина Дибривская Развод. Заставь меня влюбиться снова

<https://litres.ru/74207138>

Аннотация

– Я ухожу. Эти слова словно гром среди ясного неба. – Как уходишь? – шепчу, сжимая ледяные руки в кулаки. – Почему? С утра же все хорошо было... – Это у тебя хорошо, – муж смотрит безучастно. – Но не у меня. Посмотри на себя, в кого превратилась... Ты бездетная, старая... Ничем не напоминаешь мне ту, в которую я когда-то влюбился. А она... У нас с ней ребенок будет. – Она?... – Да, – прямо смотрит, кажется, все уже давно решил. – Моя любовница. Она беременна от меня.

После 23 лет брака муж сказал, что уходит от меня в новую, счастливую жизнь. Его избранница молода и беременна... А ещё работает с нами в одной фирме. Мало мне несчастий и грядущего развода, так ещё и угораздило проснуться в постели с боссом после корпоратива! И, кажется, он рассчитывает на продолжение. Вот только никакого продолжения не будет, ведь он молодой красавчик и бабник, а моё сердце навсегда разбито от предательства...

Другие наши романы: Развод. Не могу сказать “прощай” –
Бывшие. По осколкам наших судеб – Развод. Леди для мужлана
– Бывшие. Теперь ты (не) моя –

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	41
Глава 4	54
Глава 5	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1

“А ты не грусти. Жизнь после сорока только начинается, это я тебе точно говорю.”

(с) “Москва слезам не верит”

Валентина

– Я ухожу.

Эти слова словно гром среди ясного неба. В глубине души я понимаю: это не шутка, не какой-то дурацкий розыгрыш, муж говорит абсолютно серьёзно, и земля уходит из-под ног. Внутри нарастает жгучая боль. Она вспыхивает где-то в горле и опускается к желудку.

– Как уходишь? – шепчу, сжимая ледяные руки в кулаки.
– Почему? С утра же все хорошо было...

– Это у тебя хорошо, – муж смотрит безучастно. – Но не у меня. Посмотри на себя, в кого превратилась... Ты бездетная, старая... Ничем не напоминаешь мне ту, в которую я когда-то влюбился. А она... Яркая, молодая. С ней я снова чувствую себя живым, а не существующим по привычке. У нас с ней ребенок будет.

– Она?..

– Да, – прямо смотрит, кажется, все уже давно решил. – Моя любовница. Она беременна от меня. Она подарит мне наследника, которого ты родить не в состоянии.

Горечь оседает в лёгких, вышибая из них болезненный всхлип. Касается, кажется, каждой клеточки моего тела. Я дрожу, чувствуя одновременно жар и холод. Озноб, пробирающий до костей. И пожар внутри. Странное, неестественное сочетание.

Глаза мечутся от лица мужа к супружеской постели. Там лежит раскрытый чемодан, куда он, по всей видимости, уже собирает вещички. Хотел успеть до моего возвращения, чтобы не пришлось объясняться?..

Это просто случайность, что я вернулась домой в это время.

Встречу в налоговой перенесли, а я уже уехала из офиса, и босс разрешил не возвращаться.

– И когда ты планировал мне сказать, что у тебя появилась какая-то... она? И как давно она появилась, кстати?..

– Недавно, Валь, – морщится он. – Недавно. С полгода, может. Увидел её и пропал. Влюбился как мальчишка. Да я, может, никогда такого не испытывал, понимаешь?

Сглатываю горький ком, вставший поперёк горла, и шепчу:

– А как же я, Гош? Обо мне ты подумал? Как ты мог поступить так со мной? Я же люблю тебя...

– Любишь? Да ты на меня как на мужика уже сто лет не смотришь! Думаешь, мне приятно быть для тебя кем-то вроде тумбы из-под телевизора? Ну когда ты хотела меня в последний раз?..

Вопрос повисает в воздухе и заставляет задуматься.

Месяцев семь-восемь назад я как раз проходила в очередной раз гормональную терапию, вследствие чего испытывала снижение либидо. Потом на фирме, где мы оба работаем, сменился генеральный директор. И он гонял меня с отчётами, не давая продохнуть от усталости и стресса. Что тоже не способствовало восстановлению естественных желаний. А потом я и не заметила, как Георг перестал проявлять ко мне интерес. Теперь мне стало понятно почему.

– Ты предал меня.

– Не начинай, Валь, – отмахивается муж, возвращаясь к шкафу.

Размытым от слёз взглядом смотрю, как он берёт с полки стопку выглаженных трусов и, не глядя, бросает в чемодан.

– За что ты так со мной? Что я тебе сделала? Как ты мог так со мной поступить?! – Понимаю, что скатываюсь в банальную истерику, но уже не могу остановиться. – Мы вместе 25 лет! Женаты почти 23! И ты так просто отмахиваешься от меня, превращая все мои воспоминания в какое-то дерьмо?!

Он кривится:

– Это и мои воспоминания тоже, Валь. И они не становятся дерьмом, только от того, что дальше каждый из нас будет жить свою лучшую жизнь.

С этими словами он выгребает из шкафа остатки вещей, пихает в чемодан, комкая и сминая, как только что сжал в своей безжалостной руке моё сердце и разбил его без единой

возможности когда-либо оправиться. Закрывает молнию, с лёгкостью подхватывает чемодан и, начисто игнорируя меня, просто выходит за дверь, тихо щёлкнув замком.

Секунда, две, три.

Глухие удары разбитого сердца.

Слёзы, градом стекающие по щекам.

Я обрушиваюсь на колени, начиная выть от боли, пожирающей изнутри.

Никогда не прощу ему такого предательства!

А ведь раньше казалось, что мы вместе на всю жизнь.

Лучшая пара со времён средней школы, красивая свадьба после выпускного, поступление. Меня зачислили, а Гоша провалил вступительные, и его призвали в армию. И я, молодая жена, верно ждала его, ездила на присягу и на свидания. Как новоиспечённой семье, нам даже позволяли проводить ночи вместе в семейном общежитии на территории воинской части.

Потом была демобилизация. Я организовала вечеринку для встречи любимого, созвала всех-всех друзей и родню, и мы гуляли все выходные. Гоша сразу же устроился на завод и поступил на вечернее отделение на юрфак в мой университет. У нас всё получалось. Днём Гоша работал, а я училась. Вечером, пока я занималась бытом, учился он. Так пролетел ещё год.

Летом Гоша взял отпуск, и мы поехали дикарями в Крым. А оттуда привезли две полоски на тесте.

Возможно, мы и были ещё слишком молодыми для рождения ребёнка, но единогласно приняли решение рожать. Гоша спешно искал подработку, чтобы обеспечить нас всем необходимым.

Ещё в школе я научилась неплохо шить, поэтому стала брать нехитрые заказы. Подшивала брюки и меняла молнии в куртках в свободное от учёбы время. Увидела где-то в журнале комплект постельного белья с бортиками для детской кровати, накопила денег, купила ткани и сшила три комплекта. На вырученные от продажи деньги купила ещё рулон и сшила больше комплектов. Так завертелось моё небольшое дело, и накопления удавалось делать ощутимые.

Гром ударил оттуда, откуда даже в самом страшном сне не планировали. На двадцать четвертой неделе я проснулась посреди ночи от боли в животе. Рукой ощутила липкую влажность на постели и ночной сорочке. Дрожащим голосом разбудила мужа.

А дальше были неотложка, чистка и пустота внутри. Долгие месяцы восстановления. Осознанное решение не торопиться с новой беременностью.

Мы доучились, устроились на работу получше. Жили для себя. Путешествовали горящими турами по всей Европе, летали в Турцию и Египет. Купили собственное жильё. И только через десять лет после потери нерожденного ребёнка ста-

ли всерьёз готовиться к зачатию.

Для начала прошли всех врачей, сдали все анализы. Через полгода попыток стало понятно, что у нас не получается. Новые обследования, подготовка к ЭКО. Долгожданная беременность. Мне исполнилось тридцать два.

Беременность протекала гладко, несмотря на мои страхи. С лёгкостью был пройден и первый, и второй триместр. И только ближе к предполагаемой дате родов я начала волноваться с новыми силами, потому что в какой-то момент перестала ощущать шевеления плода. Вытерпела в страхе лишь пару часов, сама вызвала скорую. Гоша, едва вернувшийся с работы домой, тоже поехал со мной.

А из приёмного покоя меня экстренно повезли на операцию.

Последнее, что я услышала от мужа: “Если встанет вопрос, кого спасать, спасайте ребёнка”.

Я бы не захотела поступить иначе, но почему-то в то мгновение думала только о его предательстве.

Но всё – абсолютно всё – потеряло смысл, когда я услышала от хирурга-акушера глухое:

– Нежизнеспособный плод. Соболезную.

Через неделю меня выписали из роддома. Мы с Гошей мрачно смотрели на чужое счастье и не могли смотреть друг другу в глаза. Муж довёз меня до подъезда и бросил:

– У меня дела.

На что я лишь безразлично пожала плечами.

Его не было дней пять. Вернулся с перегаром. Не разговаривал со мной ещё две недели, словно это я была виновата в случившемся.

Наверное, тогда мне нужно было понять, что это начало конца. Уйти первой, пока у нас ещё была возможность начать всё с нуля, пережить очередную потерю и попытаться построить что-то новое. Но я не поняла.

А через две недели молчания Гоша сказал, что взял путёвки в санаторий, чтобы я могла поскорее восстановиться. Он старался, правда. Был хорошим в отпуске, окружал меня любовью и заботой. Но как только мы вернулись, начал пропадать на работе, брал командировки, в выходные старался как можно реже проводить время со мной.

Я погрязла в работе. Мой психолог советовала не давить на мужа. Я не давила. Восстанавливала душевное равновесие, пыталась как можно скорее перебороть полученный травмирующий опыт, чтобы предпринять ещё одну попытку – теперь уже точно удачную. Очередное гормональное лечение спустя два года. Очередные витки в карьере. Новые разговоры об очередной попытке родить ребёнка. Так пролетели ещё пять лет.

Последний год прошёл в подготовке к беременности. Мы планировали снова пойти на ЭКО, да всё не складывалось. Только у меня не складывалось. У Гоши, как оказалось, всё сложилось за-ме-ча-тель-но!

А теперь я сижу и рыдаю, познав всю глубину его преда-

тельствва.

Кое-как уснув уже под утро, просыпаюсь по будильнику, но не могу оправиться от шока. Боль сковывает грудную клетку, слёзы, не переставая, текут из глаз бесконечными потоками и никак не желают останавливаться. Работать в таком состоянии не представляется возможным, поэтому я сказываюсь больной и беру неделю за свой счёт.

Первые три дня даже не выбираюсь из постели. Орошая подушку слезами, я жалею себя, свой брак, который, несмотря на сложные жизненные этапы, всегда казался мне довольно счастливым. Но больше всего жалею, что так и не успела родить. Хотя бы попытаться снова. Кому я теперь то нужна, выдавшая виды женщина за сорок? Я же как подержанное авто: снаружи, при должном уходе, вроде и ничего, внутри периодически сбоит, и никакого сравнения с новой блестящей игрушкой из салона.

С горечью усмехаюсь, вытираю слёзы и поднимаюсь. Несмотря на жгучую боль где-то в области желудка, нужно начинать заставлять себя есть, пока окончательно не обессилила.

На кухне меня берёт злость, и я вышвыриваю в помойное ведро всю любовно приготовленную еду: обожаемые котлеты моего му... мудака, причём уже даже не моего, тушеную капусту для подлеца и предателя, сливаю в унитаз кастрюлю

борща, жалея, что не догадалась вылить ему на голову. Глаз цепляется за сервиз, который нам подарили на свадьбу, и я с огромным удовольствием швыряю об плитку блюда и тарелки, наслаждаясь равномерным звоном. Мужнину чашку запускаю в стену, прямо в самую сердцевину рамок с семейными фотографиями. От удара некоторые из них валятся на пол, вылетают стёкла, но этого мне мало. Царапая пальцы о стёкла, я достаю ещё совсем недавно дорогие сердцу фотокарточки и рву их на мелкие клочья.

Ничего мне не оставил, гад. Всё растоптал тяжёлой поступью своих шагов, исковеркал целых двадцать три года семейной жизни неотвратимой правдой своих слов. Не-на-ви-жу!

Резко останавливаюсь, тяжело дыша. Отыскиваю телефон, чтобы отменить бронь ресторана, отменить приглашения гостей – мы собирались шумно отметить через пару месяцев берилловую годовщину свадьбы. Но меня отвлекает неприличное количество пропущенных вызовов и уведомлений о непрочитанных сообщениях.

Хмурюсь, открывая мессенджер.

Злой и страшный Лев:

“Здравствуйте, Валентина! Надеюсь, вам уже намного лучше?”

“Мне нужны ваши подписи на платёжных поручениях в банк”.

“Это срочно”.

“Уважаемая Валентина Дмитриевна! Прошу, ответьте на

звонок! Я уже два часа не могу до вас дозвониться!”

“Валентиночка Дмитриевна, прошу, сжальтесь, производство встанет, если мы не оплатим поставку!”

“ВАЛЕНТИНА! ДМИТРИЕВНА! Если вы не выйдете на связь в течение часа, я буду разыскивать вас с полицией!”

И через пятьдесят минут:

“Я уже выехал к вам. И лучше бы вам быть дома, болезнь наша!”

И едва я успеваю дочитать, телефон разрывается вибрацией от входящего звонка.

“Злой и страшный Лев”, – читаю на экране. Тяжело вздыхаю и отвечаю:

– Да?

– Ну слава богу! Живы? Я уже подъезжаю к вашему дому, буду через семь минут.

– Лев Арсеньевич! Здравствуйте! Я, конечно, извиняюсь, но я сейчас не в лучшем состоянии, чтобы принимать вас. Да и дома, если честно, бардак...

– Одна подпись, – бросает тот. – Ладно, не одна. Но вы поняли. Можете хоть в неглиже, а хоть и без него меня встретить, но без подписанных документов я не уйду! А на ваш бардак обещаю не обращать внимания.

Он скидывает звонок. В этом весь Лев. Молодой, наглый, хваткий, бескомпромиссный генеральный директор. Работает с нами не так давно, но я успела понять главное: спорить с ним бесполезно. Если сказал, что приедет и возьмёт меня...

тыфу ты, мою подпись, значит, так и сделает. И с полицией отыщет, если приспичит. Терпеть не могу таких!..

Поднимаю взгляд к зеркалу: лицо опухшее и красное от слёз, нос словно в три раза увеличился в размерах. Ладно, если не включать свет, сойду за простуженную. Выглядываю в коридор, откуда открывается вид на перебитую посуду на полу кухни, и мне хочется завизжать.

Это всё он, Георг. Это он настоял, чтобы мы поставили арку вместо двери. Мол, так будет больше пространства. Из-за его убеждений мне теперь придётся спешно убирать стихийно учинённый беспорядок, и это лишь подливает масла в топку моей ненависти.

Но стоит мне только сделать шаг в сторону кухни, раздумывая, как бы половчее сгрести осколки, в дверь звонят.

Не успела.

Звонок повторяется, выдавая нетерпение визитёра. Открываю дверь и с удивлением взираю, как Лев, этот весьма крупный представитель противоположного пола, втискивается в проём, стараясь не повредить огромный букет полевых цветов. Это ему удаётся с трудом, так как в одной руке он держит неизменный стильный кейс, а в другой – пакет из продуктового.

– Здравствуйте, Валентиночка, – улыбается он, заполняя разом всё пространство прихожей. Удивительно, но в при-

сутствии этого мужчины оно – пространство – кажется мне незначительным. Вдруг становится слишком тесно, настолько, что я ощущаю жар мужского тела, его тяжёлый древесно-мускусный аромат с тонким шлейфом сугубо мужского запаха кожи и пота. – Это вам. – протягивает мне букет. И пакет: – И это тоже. Цветы и витамины для здоровья и отличного настроения нашего лучшего главного бухгалтера!

– Спасибо, – вежливо благодарю его, принимая букет, перехватываю пакет, мои холодные пальцы случайно задевают его, горячие и чуть влажноватые. Это ощущается как микроразряд тока. И на короткое мгновение мне кажется, что он тоже чувствует это.

Поспешно одёргиваю руку. Лев Арсеньевич неловко переминается с ноги на ногу, задевает широким плечом выключатель, и в коридоре вспыхивает свет.

Он рассматривает моё зарёванное лицо и хмурится. Интересно, по фирме уже поползли слухи, что руководитель юридической службы бросил главного бухгалтера?..

– Вы в порядке? – тихо вклинивается в мои размышления голос генерального.

– Простыла немного, – осипшим от неожиданного вопроса, произнесённого чересчур интимно, голосом отвечаю ему. – Но уже иду на поправку.

Суетливо пристраиваю букет на кушетку, ставлю на пол увесистый пакет.

– Ага, – рассеянно отзывается он. Быстрый взгляд в сто-

рону кухни. Я знаю, что него не укроется перебитая в хлам посуда на полу. – Надеюсь, вы поправитесь до выходных.

– А что у нас в выходные? – уточняю я, отчаянно желая, чтобы он не разглядывал мой бардак.

– День рождения фирмы.

– Чёрт! Совсем забыла...

– Хочу видеть там вас. Думаю, вам не помешает развеяться... после болезни.

Он переводит взгляд обратно на меня. Смотрит прямо в мои глаза. Чуть поджимает губы.

“Они все уже в курсе”, – проносится мысленно.

– Да, конечно, – бормочу смущённо. – Если успею поправиться до конца. Давайте документы, Лев Арсеньевич, ни к чему вам... а то ещё простуду от меня подцепите.

– А я уже... переболел, Валентина, – странно усмехается он, но документы всё же из кейса извлекает и протягивает мне.

Устраиваюсь у высокого комода, быстро просматриваю каждое платёжное поручение, перед тем как поставить подпись.

– Ну что же вы, не доверяете генеральному директору? – смеётся мужчина. Его смех хриплый, лающий, но приятный. Смех совсем не юношеский, сексуальный, мужской. От которого где-то внизу живота каменеет, и эта тяжесть увлажняет трусики. Харизматичный он мужик, всё-таки. Наверняка, перетрахал уже половину офиса. У нас много молоденьких

и хорошеньких сотрудниц, а генеральному отказать сложно. Тем более такому...

“Ох, Валя, Валя! – корю себя. – О чём думаешь? От тебя муж ушёл к молодой беременной любовнице, а ты!..”

– Почему же? Доверяю. Но знаете, как говорят? Доверяй, но проверяй. В бухгалтерии – только так.

– Похвально. Вот за что я вас уважаю, так это за порядок. И порядочность.

Ставлю последнюю размашистую подпись.

“Наверное, я должна теперь сменить фамилию. Так странно... Большую часть жизни быть Казаковской и вернуть свою девичью фамилию на старости лет!”

Прикрываю на миг глаза, пытаюсь остановить потоки накатывающих слёз. Протягиваю стопку поручений Льву.

– Готово.

– Спасибо вам, Валентина! – с улыбкой говорит он мне. Протягивает руку, вопреки правилам этикета, но я всё равно быстро вкладываю прохладные пальцы в его горячую ладонь. – Спасибо. Очень выручили.

– Это моя работа. – напоминаю ему. – А вы – мой непосредственный руководитель. Отказать вам я не вправе.

– Учту, – усмехается он. В его глазах вспыхивает нахальный огонёк, словно думает он вовсе не о рабочих поручениях. – Я буду ждать вас на праздновании дня фирмы. Обязательно приходите.

– Я постараюсь, Лев Арсеньевич, – не даю обещаний я.

– Тогда до встречи.

– До свидания.

Стоит ему уйти, я бросаюсь на кухню и избавляюсь от осколков. Запихиваю в ведро все до единой рамки. Навожу идеальную чистоту. Водружаю вазу с букетом в середину стола и сажусь на мягкий стул. С затаённым любопытством разглядываю цветы: васильки, мелкоцветные ромашки, статица, колоски, зелень. Просто и стильно. Очень нравится мне.

Сейчас я уже и вспомнить не могу, когда муж в последний раз дарил мне цветы... Чёртов мудака! Шалаве своей наверняка ведь дарит!..

Чувствуя, как внутри снова поднимается волна гнева, резко поднимаюсь из-за стола. Притаскиваю пакет от генерального и заглядываю внутрь: клубника, виноград, апельсины. Так мило, что аж плакать хочется! И я не сдерживаюсь – плюхаюсь на стул, складываю руки у лица и завываю в голос.

До самой субботы я не уверена, что выдержу праздник. Там точно будет Георг – куда же без него! А видеть его рожу я пока не готова.

Но потом я вспоминаю, что в понедельник мне всё равно придётся выйти на работу, а там всё равно будет его ненавистная рожа, и решаю пойти в ресторан. Два дня погоды не сделают.

Пока у меня есть время до вечера, иду к косметологу и

в парикмахерскую. И вскоре чувствую себя другим человеком. Не брошенкой, утопающей в горьких слезах, а сильной и уверенной в себе женщиной.

В этом настроении я возвращаюсь домой, надеваю великопное платье, которое купила к мероприятию задолго до неприятных известий от мужа, и с удивлением обнаруживаю, что прилично так похудела из-за стресса. Теперь платье сидит ещё лучше, чем раньше. Это немного улучшает настроение и добавляет уверенности.

Но вся эта уверенность теряется, когда мой пока ещё муж входит в зал ресторана с другой.

Со своей новой женщиной.

Со своей беременной любовницей.

Со Светочкой. Секретаршей Льва. Молодой, едва достигшей двадцатилетия блондинкой.

В этот момент я общаюсь с девочками из бухгалтерии, и все они усиленно делают вид, что ничего особенного не происходит. Те, кто помоложе, прячут глаза в бокалах вина. Те, кто постарше, смотрят с сочувствием. А я... Я чувствую, что задыхаюсь.

Под струящимся шёлком серебристого платья Светочки с лёгкостью угадывается округлый животик. Именно его с гордостью накрывает рука мужа. Правая. На которой я больше не наблюдаю золотого ободка обручального кольца. Лишь

оставшийся от давности след от него.

Опуская взгляд на свою руку и остервенело стискиваю с пальца свои кольца: простое золотое, которое не снимала ещё ни разу со дня свадьбы, и изящное кольцо с бриллиантом, подаренное мужем на десятилетний юбилей нашего брака.

“Теперь я могу себе это позволить, – сказал он. – И дальше будет только лучше, любовь моя”.

Теперь я прячу кольца в маленькую сумочку, хотя испытываю желание швырнуть их ему в лицо.

Но, чтобы не сотворить глупостей, удерживаю себя на месте и попиваю вино в компании коллег.

Один бокал, второй, третий.

Отправляюсь в уборную.

“А вы слышали, что Светка захомутала женатика?”

“Это муж Валентины Дмитриевны, ты что, не в курсе?”

“Ну и что? От хороших жён мужики налево не ходят”.

“Ох, и наивная ты, Люд! Светка такая хищница, что любого могла бы окрутить. Она же знала, что он женат, специально задом своим вечно под носом у мужика вертела. Это подло, не нужно этим восхищаться”.

“Ну не знаю. Не грешно прибрать к рукам то, что плохо лежит”.

“Это не перестаёт быть воровством”.

Отрывок разговора, услышанный случайно в толпе, снова срывает плотину невозмутимости. Невыносимо! Боль преда-

тельства разъедает остатки самоуважения, и я лихо разворачиваюсь на 180 и начинаю двигаться в другом направлении.

Прямиком к предателю и его новой пассивности.

Переполненная решимости хорошенько поскандальничать, расцарапать его рожу и оттащить её за волосы, я пересекаю зал ресторана на крейсерской скорости. Но вдруг врезаюсь в огромный айсберг по полному ходу.

– Валентиночка, как я рад, – говорит мне каменная глыба, на проверку не такая уж и холодная. Напротив, он... горячий. Пышет жаром крепкого молодого мужского тела. Лев с улыбкой обхватывает ладонями мои плечи. – Вы великолепно выглядите, Валя. Могу я пригласить такую роскошную женщину на танец?..

Это звучит как вопрос, но он не спрашивает. Я сканирую взглядом Георга, который испуганно смотрит на меня, и не тороплюсь спорить с генеральным.

Тогда он добавляет:

– Потанцуй со мной. Не стоит оно того.

Быстро зажмуриваюсь, чувствуя, как обжигающие дорожки слёз бороздят щеки. И тут происходит нечто странное.

Лев порывисто прижимает меня к себе, к широкой груди, в которой громко ухает сердце. Начинает покачиваться в ритме медленной мелодии, оглаживая мою спину кончиками пальцев, и неожиданно это успокаивает меня.

Жар мужского тела, сильные руки, горячее дыхание, запутавшееся в волосах.

Я больше не плачу, хотя мне всё ещё больно.

Я больше не чувствую желания убивать, хотя продолжаю ненавидеть.

Я больше не ощущаю неуверенности, хотя мой муж по-прежнему обнимает молодую любовницу.

Я обвиваю руками огромное тело Льва и согреваюсь его жаром.

После танца он провожает меня к столикам бухгалтерии и берёт обещание ещё одного. Перехватывает официанта с выпивкой и вручает мне в руки очередной бокал вина.

Их, этих бокалов, за этот вечер не счесть. Кажется, я сама превращаюсь в вино.

Лёгкость опьянения отключает разум, наполняет тело невесомостью. Я не отказываю генеральному каждый раз, когда он приглашает меня потанцевать. Я почти счастлива и больше не думаю о предателе, что наглаживает беременное пузо проститутки с ресепшена. Эйфория разливается по венам, отключая все чувства и эмоции, и это прекрасно. Я хочу всё забыть. Хотя бы на один грёбаный вечер. И темнота сжирает всё вокруг.

Во рту сухо, словно в Сахаре. Виски ломит от боли, в мозгах играет, не переставая, барабанная дробь. Боже, сколько я вчера выпила?

Открываю один глаз. Уже светло. Незнакомый потолок ис-

крится от солнечного света, вызывая лёгкую тошноту.

Ощупываю себя под одеялом, чувствуя, как накатывает паника. Я абсолютно обнажена.

Веду рукой под одеялом, пока не натыкаюсь на нечто... горячее. С ужасом перевожу взгляд в ту сторону и вижу необъятную спину. Он спит.

Осторожно приподнимаю одеяло и разглядываю крепкие мужские ягодицы. Он голый.

И в этот момент он перекатывается на другой бок, сгребая меня ручищами. Большой и толстый член в полной боевой готовности упирается мне в бедро, и я тяжело сглатываю, разглядывая умиротворённое лицо своего молодого босса.

О. Мой. Бог.

Что я натворила?!

Я переспала со Львом?!

Глава 2

Стыд, смущение, неверие. У меня за всю жизнь был только один мужчина. Мой муж. Я же не могла переспать по пьяни чуть ли не с первым встречным, так?!

Но почему тогда мы оба голые лежим в одной постели, а мышцы приятно ломит, словно после хороших занятий фитнесом?

“Идиотка! – это первая мысль. Следом появляется другая: – Выбраться из хватки его рук и срочно бежать!”

Тихонечко ускользаю по кровати, пока его рука не падает на подушку. Собираю разбросанные в спешке на полу вещи, стыдливо краснея.

Бросаюсь в ванную, изучаю своё отражение: косметика поплыла от слёз, помада смазана от поцелуев, на шее алеет свеженький засос, соски покраснели от недавних ласк. Что же я наделала, боже?!

Быстро умываюсь, одеваюсь, отыскиваю туфли.

Дергаю ручку входной двери. Заперто.

Пробую то один замок, то другой, но не могу открыть эту чёртову дверь.

От бессилия ударяю её коленом и чуть ли не взываю от боли.

А потом смиренно иду в кухню ждать пробуждения хозяйина.

Лев

Пробуждение даётся мне с трудом. Лишь только открыв глаза, понимаю, что нахожусь в постели один.

Шарю рукой по подушке. Открываю глаза.

Пусто. Чертовка сбежала.

Ухмыляюсь и сажусь на постели. От меня ещё никто никогда не сбегал. Что ж, всё бывает в первый раз.

– Решили поиграть со мной, Валентина Дмитриевна?

Мой вопрос звучит в пустоту. Но я, чёрт побери, доволен до безумия. Потому что горячая крошка, которую я вчера завалил, никто иная, как моя главная бухгалтер!

Я и раньше подозревал, что за фасадом холодности таится недюжий темперамент, но чтобы такая буря!..

“Конечно, она была пьяна, но уверен, что и трезвая Валентина тоже задаст жару в постели!”

От воспоминаний о том, как эта чертовка стонала подо мной, как просила брать глубже и быстрее, кровь вскипает. Не помню, чтобы так реагировал на женщину, а их у меня было достаточно.

Я уже давно присматривался к Валентине. Не могу точно сказать, что меня в ней привлекло. Возможно аура холодности и властности, возможно острый ум, а может быть, шикарная задница и длинные ножки... Хотя кому я вру? Все сразу.

Как только я увидел ее, мне сразу захотелось подойти к

ней, прижаться, ощутить запах ее тела. Прошептать ей на ушко:

“Не хочешь сесть мне на лицо?”

Однако мой зоркий взгляд сразу же заметил кольцо на ее пальце. И Валентина, Валечка (так я мысленно успел ее называть) стала Валентиной Дмитриевной.

Никогда не связывался с замужними и изменять этому принципу не собирался.

Но после того, как по компании пошли слухи, что нерадивый муж бросил Валентину Дмитриевну, я понял, что теперь у меня есть шанс. Поглядывал на лучшего сотрудника юридического отдела и недоумевал: как можно быть таким идиотом и променять поистине шикарную жену на непутевую девчонку, мою секретаршу?

В голове не укладывалось, что можно бросить Валентину. Мне хотелось наверстать упущенное. Поэтому я отбросил все сомнения, придумал архиважный повод, чтобы приехать к ней домой.

И когда увидел ее зареванную и домашнюю, то, к своему удивлению, захотел еще больше. Было бы легко сорвать с нее одежду, принудить к горячему и грязному сексу. Не сомневаюсь, что она была бы не против...

Но что-то во мне воспротивилось этому в тот момент.

И я поклялся сделать все, чтобы она стала моей. И добился этого.

Думал, что после проведенной ночи моя жажда утихнет,

но оказалось, что ее было мало. И мой аппетит разгорелся лишь сильнее.

“Какие ещё тайны скрывает моя красотка? Я непременно об этом узнаю. Потому что я – Алмазов, а Алмазовым не отказывают”.

Прохожу на кухню и застываю на пороге. Все мысли о беглянке тут же исчезают из головы, потому что она обнаруживается прямо за столом. Растерянная, растрепанная и расстроенная.

– Доброе утро, – улыбаюсь ей. Настроение тут же поднимается. Подхожу к ней ближе, целую в щеку. Воспоминания о нашей близости тут же оживают во мне.

Страсть, с которой она отвечала мне, горчила отчаянием. Но казалась неподдельной, искренней. Лишь в моих силах, кажется, наполнить эту женщину счастьем. Но вот позволит ли она сделать это? И нужно ли мне это?

– Будешь кофе? У меня отличная кофеварка, – кончиками пальцев скольжу по ее руке. Вижу, как тонкая кожа покрывается мурашками, как светлые волоски встают дыбом... И улыбаюсь. Мне нравится эта реакция.

– Лев Арсеньевич, простите, я не пью кофе, – тихо произносит Валентина и убирает руку.

Меня бесит этот жест. Бесят ее слова. Хочется надавить, приказать, чтобы слушалась, делала то, что скажу. Но я напоминаю себе, что мы не на работе, а Валентина – свободный человек. Поэтому я натягиваю на лицо улыбку:

– Ну что ж, тогда сделаю чай. У меня есть дорогой, из Индии привезли...

– Нет, Лев Арсеньевич...

И снова она делает это. Проводит черту между нами.

Со стуком ставлю сахарницу на стол. Валентина вздрагивает и смотрит на меня большими, наполненными страхом глазами.

– То, что случилось ночью... Это была ошибка. Мне нужно ехать. Такси себе вызову сама.

Мои пальцы сжимаются на сахарнице.

Такое странное чувство... Неприятное. Обычно это я говорю подобные слова дамам, которые задержались в гостях.

– Ошибка? – цежу с холодной улыбкой. – Напомнить тебе, как ты стонала подо мной?

– Не надо, – к ней возвращается ее холодность. Твердо смотрит на меня:

– Мне нужно выйти.

– Иди, кто ж тебя держит.

– Но ключи... Дверь заперта!

– Ах, дверь... – задумчиво провожу пальцем по губам. – Сейчас.

Медленно иду к своему кожаному портфелю, лежащему в кресле. Достаяю ключи.

Странно, очень странно. Почему я так не хочу отпускать Валентину? Обычно я испытываю облегчение, когда они сами уходят, не обременяя меня выяснением отношений. А тут

такое... Ладно. Разберусь с этим позже.

Отпираю дверь, пропускаю Валентину и произношу ей в спину:

– До понедельника, Валентина Дмитриевна. Не вздумайте уволиться из-за нашей небольшой интрижки. Увольнения не приму, а вы приобретете себе лишь неприятности.

Она молча кивает и спускается по лестнице. А я внезапно думаю:

“Это не конец. Не позволю этому закончиться так просто...”

Утро понедельника проходит спокойно. Я иду в душ, делаю себе завтрак. Кидаю быстрый взгляд на часы: сорок минут до начала рабочего дня. Идеально.

Поскольку компания находится в пятнадцати минутах от моего дома, я успею заскочить в цветочный магазин за букетом.

Эта мысль плотно засела в моей голове. Обычно я не мастак ухаживать за женщинами, потому что сколько себя помню, они сами вечно преследовали меня. Но такая дама как Валентина... В ней есть характер, ее нужно добиваться. И это будит в крови азарт.

До цветочного я добираюсь быстро. Покупаю пышный букет роз, который точно поразит ее воображение. И уже через полчаса кладу его ей на стол.

– Это что? – спрашивает Валентина, холодно глядя на букет. Сидит за столом, строгая и величественная, как снежная королева. Вызывает во мне трепет.

– Разве ты не видишь? Цветы.

– Не помню, чтобы я у вас их просила, Лев Арсеньевич.

– А о таком нужно просить? – улыбаюсь и облакачиваюсь на стол. – Хочу пригласить тебя на свидание.

Она тяжело вздыхает и прячет взгляд. И мне это не нравится. Кажется, что с ее губ сейчас сорвется отказ. Мягкий, но непреклонный. И я тут же говорю:

– Твоего "нет" я не приму.

– Во-первых, спасибо за розы, но я их не люблю. Мне больше по душе полевые цветы. А во-вторых, мы же уже все обсудили. Наша ошибка...

Морщусь. Неприятные слова о том, что она считает нашу волшебную ночь ошибкой, режет слух.

Пресекаю все ее тихие слова решительным:

– Зачем же так переживать? До вечера пятницы у меня нет ни единого свободного вечера. А это значит, что у вас есть время подумать. Не отказывайтесь так быстро, Валентина Дмитриевна, пощадите моё мужское самолюбие, – улыбаюсь ей так обворожительно, как только могу. И моя улыбка, кажется, попадает, прямо в цель.

Моя строгая, обычно чопорная главная бухгалтер краснеет, как девчонка. А мне так нравится видеть, как этот румянец заползает на шею, на грудь и скрывается под кофточ-

кой... Куда я, впрочем, тоже не прочь заглянуть.

С разочарованием поджимаю губы. Валентина Дмитриевна – это стена, которую нахрапом не возьмешь. Поэтому нужно сбавить свои притязания, иначе рискую ее оттолкнуть окончательно. Она и так уже жалеет о нашей ночи.

– Я поняла, – пищит, смущенно отводя взгляд.

“Ей-богу, ну точно девчонка, которую первый раз поцеловал мальчишка...” – с усмешкой думаю я.

– Вот и славно, – с улыбкой произношу. – А цветы все же оставьте, они предназначены для того, чтобы радовать ваш взгляд. В следующий раз привезу вам полевые, ошибку свою понял.

И прежде, чем эта чертовка успевает произнести, что следующего раза не будет, прощаюсь с ней и выхожу. Обожаю оставлять за собой последнее слово.

Когда прохожу в свою приемную, обворожительная улыбка сползает с моего лица.

Алмазовы любят добиваться своего. Эта черта и позволила нам забраться так высоко, забирая у других желанное. Сейчас этим желанным является Валентина. И чтобы понять, как завоевать ее сердце, нужно выяснить, чем она жила раньше. А еще изучить людей, фигурирующих в ее прошлом. В частности, мужа и его любовницу.

Последняя, кстати, находится очень быстро. Склонив-

шись над кофейным аппаратом, дует губки.

– Светлана Валерьевна, что вы делаете?

Она оборачивается ко мне и на ее лице тут же расплзается смущенная улыбка. Подавив желание закатить глаза, слушаю жалобное:

– Лев Арсеньевич, как хорошо, что вы пришли! Меня не слушается кофеварка, и я подумала, что помощь сильного мужчины будет кстати...

Мне хочется сказать ей, чтобы просила своего новоиспеченного ухажера об этом. Но вместо этого я отвечаю:

– Вы забыли подключить ее к сети.

– Правда? Ой, я такая глупая... – хихикает и проводит пальчиком по своему глубокому декольте.

– Займитесь уже своими прямыми обязанностями, – сухо произношу я, и ее улыбка меркнет. – И да, смените гардероб на более официальный.

Прохожу мимо нее в свой кабинет.

“Поверить не могу, она считает меня оленем!”

Мне не претит, когда женщина глупая. Злит, когда она считает меня идиотом, способным повестись на сиськи и наигранную беспомощность.

День проходит незаметно. Я углубляюсь в работу, но время от времени вспоминаю о Валентине, которая сидит в соседнем отделе. За стеной громко чирикает о чем-то Светоч-

ка. Несмотря на сделанное ранее предупреждение, одежду она так и не сменила, хотя у нее и был перерыв.

Задумчиво барабаню пальцами по столу. Нужно сделать выговор этой профурсетке, которая привыкла полагаться только на свою внешность. Я бы пожалел о том, что взял ее на работу, но мысль о том, что она избавила Валентину от мужа-идиота приятно греет сердце. Так что пусть ещё немного поработает.

От воспоминаний о Валентине тянет в паху. Член нали-
вается тяжестью, стоит вспомнить, как бешено я вторглся в нее, какой влажной она была.

Помню запах лаванды, исходивший от нее, белокурые волосы и тонкую талию, которую я сжимал, вбиваясь в нее.

Холодная неприступная королева чуть не сожгла меня своей страстью и была такой тонкой, что ее можно было сломать. А теперь вновь закрылась в своем коконе, возвела огромную неприступную стену между нами.

Что ж, я люблю сложные задачи. Тем интереснее их решать. Кажется, ещё ни разу я не испытывал подобного азарта. Обычно женщины сами вешаются мне на шею, ведь я не обделен ни внешностью, ни связями, ни деньгами. Лакомый кусочек, которая каждая из них была готова съесть, но обломала зубы.

Хищно улыбаюсь и беру телефон. Набираю номер личного помощника и когда тот отвечает, произношу:

- Подготовь информацию о главном бухгалтере и ее муже.

Все, что сможешь найти. Как можно быстрее.

И отключаюсь.

Ближе к вечеру офис пустеет. Я прохожу по коридору к лифту, но застываю, увидев свет в кабинете Валентины.

"Почему она ещё не ушла?"

Меня тянет пойти и спросить.

Некоторое время я стою и маюсь, не зная, как лучше поступить. А затем широким шагом направляюсь к ней в кабинет.

Замираю около двери, слыша мужской голос:

-... Я бы не хотел проблем, если ты понимаешь, о чем я.

- О каких проблемах ты говоришь? - скучающе отзывается она. И я невольно восхищаюсь ее железной выдержкой. Потому что тот, с кем Валентина разговаривает — ее муж, который, очевидно, скоро станет бывшим.

А она тем временем продолжает:

— О твоей любовнице, ее положении или о том, в какое положение, прости за невольный каламбур, ты поставил меня? Кстати, ты уверен, что твоя Светочка беременна? Живота у нее не видно...

— Она на раннем сроке, — цедит он; в нотках его голоса чувствуется гнев, — просто дай мне развод по-хорошему...

— Да кто ж тебя держит, — усмехается она. — Проваливай, ты мешаешь мне работать. Иди к своей Светочке и жди

бумаг на развод.

Складываю руки на груди, ухмыляясь, как мальчишка. Как она этого оленя умыла!

"Моя тигрица!"

— Смотри, ты обещала!

Слышу приближающиеся шаги и едва успеваю нырнуть за угол, чтобы не попасться на глаза этому идиоту. И тут же ругаю себя. Зачем прячусь, будто это не моя компания?

Прикрываю глаза от досады, понимая, что кажется, потихонечку теряю остатки разума. А все из-за нее, из-за Валентины, о которой думаю практически постоянно.

Как только ее муж уходит, медленно выхожу из своего временного укрытия и заглядываю в ее кабинет. Но не вижу ни малейших признаков удивления на ее лице. Валентина смотрит на меня в упор, устало, очки сверкают на кончике носа, светло-розовые губы поджаты, а белокурые волосы забраны в небрежный пучок.

Я так ее хочу.

Изо всех сил останавливаю себя от того чтобы не сократить дистанцию между нами, сжимаю руки в кулаки, чтобы не обнять ее.

Такой Валентина нравится мне почему-то ещё больше.

Обворожительно улыбаюсь ей:

— Почему вы все ещё на работе, Валентина Дмитриевна? Собирайтесь, я отвезу вас домой.

И хотел бы держаться от нее подальше, как и обещал, но

не могу.

Вопреки моему ожиданию она не двигается с места, а лишь спрашивает:

– Вы все слышали?..

– Смотри что ты под этим подразумеваешь, – пожимаю я плечами. – Ничего криминального я не услышал, можешь не беспокоиться.

Ее напряженные плечи опускаются. И я вновь испытываю почти иррациональное желание приблизиться к ней и обнять. Сделать так, чтобы Валентина забыла о неприятном разговоре со своим бывшим.

Но я остаюсь на месте. Знаю, что ее оттолкнет моя навязчивость, потому что Валя не планирует ничего серьезного.

– Так что? Не откажешься от личного водителя в виде меня? Время уже позднее, а я беспокоюсь за сохранность своего главного бухгалтера...

– Вам не жалко своего времени?

– Самое ценное – это у нас люди. Так что собирайтесь, Валентина Дмитриевна, вас ждёт вечерняя поездка со своим боссом, – легко улыбаюсь ей.

– Яковлев будет в бешенстве. Я не доделала смету...

– Подождёт Яковлев, я договорюсь с ним, – отвечаю ей, хотя понимаю, что это будет непросто. Яковлев – персонаж требовательный и за заминку потребует пересмотреть некоторые условия договора. Но я уже знаю, что ему ответить. И не испытываю никаких угрызений совести по этому поводу.

К счастью, Валентина больше не спорит. Медленно собирает свои вещи, не распускает пучок на голове и оставляет очки. Возможно пытается отпугнуть своим таким видом? Но если даже так, то она просчиталась, потому что мне нравится любой ее вид...

"С ума я сошёл что ли? Нет... Вот влюбится в меня, так мой интерес сразу остынет, я уверен!"

Вечер сгущается. На улице зажигаются фонари. Машина мягко едет по трассе, а Валентина закрывает глаза и, кажется, засыпает.

Мне нравится видеть ее умиротворённой. Хотя я и слежу за дорогой, но порой поглядываю на нее. Стараюсь ехать медленнее, чтобы подольше побыть вместе с Валентиной. Это мне не свойственно, но я стараюсь не думать об этом слишком много.

Когда подъезжаем к ее дому, она не открывает глаз. Я отстёгиваю ремень безопасности на себе и на ней, склоняюсь ближе.

На губах оседает ее дыхание, и я вновь чувствую прилив сильного возбуждения.

"Нельзя быть такой красивой".

Накрываю ее губы своими, не в силах сдержаться и умирая от напряжения, и накатившей тяжёлой похоти.

Я хочу сделать эту женщину своей.

Мне было мало нашей ночи, пьяной и мутной, той, которая наверняка осталась в памяти Валентины лишь смазанным пятном, ошибкой, которую нельзя повторить.

Мне мало ее.

Но это не значит, что сейчас я позволю себе больше.

С неохотой отстраняюсь от Валентины и тихо произношу:

– Дорогой главный бухгалтер, мы приехали. Или вы все же передумали и желаете поехать ко мне?

Она распахивает большие осоловевшие глаза. Смотрит на меня так, будто видит впервые в жизни, и это так мило смотрится, что я едва сдерживаюсь, чтобы не наброситься на нее прямо в машине.

"Стоп. Не нужно ничего делать, иначе отпугну ее окончательно".

– Я заснула... Боже, как стыдно, – шепчет Валентина. Ее щёки наливаются ярким румянцем.

– Ничего страшного, – благодушно улыбаюсь ей. – Рад, что вам настолько комфортно в моей машине!

На самом деле я понимаю, что она банально устала. Что ей тяжело даже сейчас разговаривать со мной. Но уже скорее по привычке флиртую, пытаюсь отвлечь от грустных мыслей.

– Что ж, спасибо, что подвезли меня, – медленно произносит Валентина. – Вы не обязаны...

– Я знаю, – продолжаю улыбаться ей. – Ни о чем не думайте, Валентина Дмитриевна, отдыхайте. Увидимся завтра.

– Да... – она отворачивается и уже открывает машину, как

с губ у меня срывается:

– Даже не поцелуете на прощание? Даже в щёчку?

Мысленно ругаю себя. Идиот, зачем?..

Валентина поворачивается обратно. И я уже готова сказать, что пошутил, когда она чмокает меня в щеку. Быстро, почти невесомо но так, что кровь в венах вскипает. И пока я изумлённо хлопаю глазами, чертовка выскакивает из машины и бежит к своему подъезду.

Почему-то мне кажется, что она сбегает.

Сжимаю руки на руле и шепчу:

– Ты точно будешь моей...

Глава 3

Валентина

Бегу от босса так быстро, будто он гонится за мной. Громыкает подъездная дверь, звенят ключи – и вот я наконец оказываюсь дома. Приваливаюсь спиной к стене, отрешенно пялюсь в потолок.

Зачем я поцеловала его? Зачем ждала его поцелуя, когда чувствовала, что он наклонился ко мне? Ведь не спала же, проснулась минут за пять, как приехали.

Почему позволяю этому происходить?

Возможно, пытаюсь чем-то заполнить свои пустые, наполненные одиночеством и болью дни.

– Зря я даю ему надежду... Нужно сказать, чтобы больше не подвозил меня.

Я знаю, что Льву Арсеньевичу 37 лет. Он моложе меня почти на пять лет! Для меня это весомая причина, чтобы отказать ему. Да и потом – зачем ему я? Немолодая женщина с разрушенной жизнью. Ни карьеры не построила, ни мужа удержать не смогла, ни детей не имею...

Не сдержавшись, сползаю по стене вниз. Зажимаю рот руками, но рыдания все равно прорываются наружу. Я вою раненой волчицей, от боли, обиды и одиночества. От чувства несправедливости.

Разве я не была хорошей женой? Разве не поддерживала

Георга в самые тяжелые периоды нашей совместной жизни? Я всегда старалась быть ему опорой. И в горе, и в радости, как говорится.

И что я получила? Впору бы вытащить нож из спины, но, кажется, не достану. Он крепко застрял, кончик пронзил сердце. Хочется вытащить из груди эту бесполезную мышцу, окровавленный кусок мяса. Сжать руками, чтобы оно, это сердце, лопнуло. Чтобы больше не чувствовать этой зубодробительной, убивающей боли, которая становится лишь сильнее, когда вижу Георга...

Поначалу я хотела уволиться. Но моих сил хватило лишь на то, чтобы заполнить заявление о разводе на "Госуслугах". А теперь даже не знаю, как поступить. Ведь босс, предвидя исход этих событий, строго-настрого запретил мне увольняться. А теперь я не представляю, как вообще подойти к нему с этим вопросом. Потому что Лев, судя по всему, планирует еще раз встретиться со мной.

Вытираю слезы и поднимаюсь, медленно бреду на кухню. "Эту квартиру мы с Георгом купили в браке... – с тоской оглядываю родные пенаты. – Хорошо, что Лев не застал начало нашего с ним разговора, когда тот заявил, что намерен забрать свою часть... И куда мне увольняться? Сейчас поделим её, и придется брать ипотеку..."

Завариваю себе чай в надежде избавиться от дурных мыслей. Все же не зря говорят, что утро вечера мудренее.

Завтра подумаю, как справиться со всем этим. Главное:

нужно понять, что я осталась совсем одна. И надеяться мне не на кого. Так что необходимо собраться как можно быстрее.

Ранее я пыталась как-то собраться, но моя выдержка начинает трещать, как только с утра ко мне заходит Светочка. Та самая беременная любовница, о которой я предпочла бы больше никогда не вспоминать.

– Валентина Дмитриевна, доброе утро! – невинно улыбается она мне, вызывая желание запустить чем-то в нее. Но я в который раз напоминаю себе, что беременных женщин не бьют. И сдержанно отвечаю:

– Кому как, Светлана Анатольевна. Вы что-то хотели? У меня нет лишнего времени на бесполезные разговоры по утрам, потому что наш заказчик лютует. Мне нужно работать, – поднимаю на нее строгий взгляд. – Вы еще помните, что это означает?

Она обиженно дует губки, накручивая локон волос на пальчик:

– Нельзя быть такой суровой, Валентина Дмитриевна! Я всего лишь хотела узнать, заходил ли к вам вчера милый...

Тихо хмыкаю:

– Вы о Георге Яковлевиче?

– Ну конечно! Он же один у меня...

Я в этом сильно сомневаюсь, но коротко отвечаю:

– Виделись.

– Он говорил вам о квартире?

Медленно поднимаю на нее взгляд. Не знаю, кем кажусь ей, но Светочка отступает на пару шагов назад, бормочет:

– Простите, что напоминаю... Мы вас не торопим...

Втягиваю в себя воздух. Вот это наглость!

– Вот уж спасибо, – сдавленно произношу и язвительно улыбаюсь ей: – За беспокойство. Но со своей квартирой я и Георг разберемся сами.

– Зачем же вы так? – ее голос дрожит. Светочка прикладывает руку к животу, и меня мутит от этой картины.

Медленно поднимаюсь со своего места.

– Светлана Анатольевна...

– А что здесь происходит? – раздается вкрадчивый голос босса, который действует на нас обоих подобно холодному душу.

– Лев Арсеньевич!.. – спохватывается Светочка, улыбаясь во весь рот. – Мы тут с Валентиной Дмитриевной разговаривали... Я хотела принести ей кофе...

Поразительно, как быстро девчонка умеет “переобуваться” на ходу. Хитрая, пронырливая...

Чувствую тошноту и внезапную усталость. Сажусь на свое место и уже намереваюсь выставить всех из кабинета, как босс произносит:

– Странно, а я слышал разговор о квартире.

Быстро вскидываю на него взгляд. Лев улыбается и выгля-

дит вполне добродушно, но это не вяжется с его ледяным тоном и острым взглядом, который он бросает на Светочку.

– Я... Мы... – лепечет она, но он прерывает ее:

– Достаточно. Иди в приемную и не мешай Валентине Дмитриевне работать.

Она сжимает руки в кулаки, но покорно удаляется, бросив напоследок злой взгляд на меня.

– На вашем месте я была бы осторожна, – вновь углубляюсь в цифры и отчеты. – Потому что, кажется, вы ей нравитесь.

– Ну я многим нравлюсь, – он плюхается на небольшой диванчик и широко улыбается: – В принципе, это не мои проблемы.

– Вы по какому-то вопросу?

– Ваша квартира...

– Нет, – смотрю на него в упор. – Мы не будем это обсуждать. Нет, вы не будете мне помогать. И подвозить меня домой вечером точно не нужно.

Он поднимает руки вверх:

– Сдаюсь. В гневе вы еще прекрасней, Артемида!

Пропускаю мимо ушей легкомысленный комплимент. До тошно сверяю таблицы, но в присутствии босса делать это становится труднее.

– Почему вы все еще здесь? – спрашиваю раздраженно и прикусываю язык.

“Все же не стоит так с боссом...”

– А где мне еще быть? – невинно поднимает он брови.

– На своем рабочем месте.

– Но как быть, если я не хочу?

Не сдерживаюсь и закатываю глаза. Видимо, судьба подшутила надо мной, дав в боссы такого дуралея. Лев Арсеньевич тихо посмеивается и произносит:

– Я решил проблему с Яковлевым.

Вскидываю на него пораженный взгляд:

– И вы только сейчас мне об этом говорите?

Пожимает плечами, а я вновь отворачиваюсь. Не могу смотреть в его глаза, в которых пляшут черти...

– Он согласен дать нам послабления, но отчаянно хочет встретиться с тобой.

– Зачем я ему нужна? – хмурюсь.

– Ему понравилось, как ты посчитала предыдущую коллекцию. Косметический бренд, который он курирует, смог сделать дозаказ на сэкономленные деньги. Теперь Яковлев жаждет познакомиться со спасительницей своего кошелька, – Лев Арсеньевич недовольно фыркает: – Будто у него нет экономистов и бухгалтеров...

– Что ж, в обед я свободна.

– Хорошо. Мы поедем вместе. И даже не вздумай вестись на его пылкие речи! – босс хмурится. – Знаю я его, еще переманить захочет...

– Иван Алексеевич, давно не виделись!

Ресторан, куда мы приезжаем, роскошен. Огромное фойе в бежевых тонах и золоте, высокие люстры, ковры, заглушающие звук шагов... Мы проходим далее. В зале сидит от силы человек десять. И в самой середине расположен большой стол, за которым устроился человек...

Изумленно моргаю.

“Да не может быть! Неужели он?”

Яковлева я никогда в глаза не видела. Фамилия казалась знакомой, такая была у моего друга детства, который давным-давно переехал в другой город. Да и мало ли таких фамилий, верно?

Но сейчас, когда я смотрю в глаза Ивана, моего друга Ваньки, который вытирал мне слезы, когда я, будучи маленькой, разбивала коленки на улице, внутри вспыхивает тепло.

Я не в силах скрыть своего удивления. И Ваня, именуемый теперь Иваном Алексеевичем Яковлевым, встает со своего места, пораженный. Никак не реагирует на Льва, шагает вперед, берет меня за руку и сжимает:

– Валь, это ты? Правда что ли?

– Я в шоке... – тихо смеюсь я, чувствуя, как приятное тепло от встречи с давним другом заполняет черную пустоту в месте, где должно быть сердце.

“Хоть что-то приятное за все это время...”

– Я не понял, вы что, знакомы друг с другом? – вклинивается между нами Лев. Аккуратно, но настойчиво разрывает

наше долгое рукопожатие и ледяным взглядом проходится по Ивану.

А тот смеется, кажется, не замечая его грубого поведения:

– Вот так встреча! Лев Арсеньевич, да вы привели ко мне подругу детства!

Лев хмуро смотрит на него.

– Подругу детства? – цедит сквозь зубы. – Иван Алексеевич, не ожидал от вас подобной фамильярности по отношению к моему работнику, который очень вам помог...

Иван с удивлением распахивает глаза:

– Поверьте, меньше всего я хотел кого-то оскорбить! Просто сильно удивился и обрадовался!

Лев молча смотрит на него. И мне даже кажется в какой-то момент, что он его ударит. Ведомая мгновенным опасением я осторожно кладу руку Льву на предплечье. Он сразу же переводит взгляд на меня и, кажется, немного расслабляется.

“Только драки нам тут не хватало! И чего он так взбесился?”

Мы проходим к столику, Иван галантно отодвигает для меня стул. И я улыбаюсь: все же приятно, когда ухаживают!

Беседа течет неспешно, мы все успокаиваемся. На столе появляются еда и изысканное белое вино.

Иван улыбчив, много смеется. Я отмечаю, что он хорошо выглядит. Карие глаза смотрят задорно, в русых волосах уже можно различить нити седины. Одет в деловой костюм стоимостью как несколько моих зарплат.

“Хорош... Кому-то повезло”, – с улыбкой думаю я.

– Лев, я надеюсь, между нами больше нет никаких обид?
– тем временем спрашивает Иван.

– Нет конечно. Простите, что вспылил. Просто Валентина у нас очень ценный сотрудник, – Лев тонко улыбается и нанизывает на вилку ломтик запеченного картофеля. Блики зловеще танцуют на золотом перстне на его среднем пальце.

Отчего-то эта, безусловно, дорогая и вкусная еда не лезет мне в горло.

Поспешно отпиваю белого вина, пытаюсь проглотить сухой комок.

– Надеюсь, мы забудем об этом неприятном эпизоде... – начинает Иван, но Лев перебивает его:

– Лучше расскажите, как долго вы знаете Валентину? – мурлычет он, скользя по мне пристальным взглядом.

– С детства! – широко улыбается Иван. – Мы жили по соседству, наши мамы дружили. Помню, Валентина любила лазить по деревьям, была той еще оторвой...

– Ваня! – возмущенно шиплю я, на что тот смеется:

– Что такое? Скажешь, не прав? Столько времени колени тебе лечил, постоянно падала то с деревьев, то с качелей...

– А что случилось? Почему связь потеряли? – не отстаёт босс. Впору пнуть его под столом, но я сдерживаюсь.

– Мы переехали, – вздыхает Иван. – Но год назад я вновь вернулся сюда и, как оказалось, совершенно не зря. Мы же обменяемся номерами? – он с надеждой смотрит на меня.

– Конечно!

Может быть, если вокруг меня будет больше людей, то тогда мне станет легче?..

– И все же... – качает Иван головой. – Все же никак в тебе, Валентина Дмитриевна, не узнать ту Валюшку, с которой мы играли в “казаки-разбойники”... А ты знаешь, я ведь был даже в тебя влюблён...

За столом повисает тишина. Даже не глядя на Льва, я чувствую, как тот напряжен и мрачен. И спешу перевести разговор, который становится опасным:

– Что мы все обо мне да обо мне? Лучше сам расскажи, как и чем жил? Фирма вот у тебя своя, это знаю. Как мама?

– Она умерла два года назад, – тихо отвечает он.

– Ох, прости... Мне очень жаль. А жена? Дети?

Он пожимает плечами, вновь улыбнувшись:

– Да все как-то никак. Была там одна, да разошлись. Изменять начала, не хватало ей внимания, видите-ли... Я же весь в работе был. Ох, простите, Лев Яковлевич, я о личном все, про дела забыл! Наши дела...

– Да ничего страшного, – благодушно улыбается босс. – Я все понимаю. Старые друзья встретились...

От его слов так и веет холодом. И я вновь спешу перевести тему:

– Лев Арсеньевич, нам действительно необходимо заняться делами. Я тут принесла с собой пару отчетов. Хочу, чтобы вы ознакомились...

Вечер постепенно переходит в рабочее русло. Напряжение окончательно спадает лишь тогда, когда босс и Иван углубляются в отчеты, которые я принесла с собой.

С лица Льва Арсеньевича пропадает ледяная маска, он цепко смотрит в бумаги. Разговор течет в спокойном тоне, и я могу немного расслабиться. Тем более, что они сами могут разобраться с документами, а я, наконец, нормально поесть.

В итоге Иван остается доволен. Но не пытается переманить меня к себе. Возможно, помнит взгляды, которые ранее кидал на него Лев Арсеньевич.

“Собственник...” – почему-то мне даже немного приятна эта черта босса. Но я ничем не выдаю своих эмоций. Лишь улыбаюсь на то, как босс хмурится, когда Иван на прощание целует мою руку.

– Увидимся, – обещает он.

Слышу позади себя фырканье и с улыбкой отвечаю:

– Конечно.

Несмотря на мое желание поехать домой в одиночестве, Лев Арсеньевич все же настоял, чтобы отвезти меня.

“Ещё немного и это войдет в привычку...” – чувствую странное стеснение в груди. Я не хочу привыкать к такому порядку вещей, не желаю воспринимать прихоть и жела-

ние за какие-то серьезные чувства. Слишком сильно ранена прошлыми отношениями. Слишком много всего произошло, чтобы я могла закрыть на это глаза и прыгнуть в омут с головой.

Но Лев Арсеньевич, кажется, так не считает. Склонившись надо мной, он медленно расстегивает ремень безопасности и мурлычет:

– Ну как, Валентина Дмитриевна, понравился ли вам сегодняшний вечер?

– Обычный, – пожимаю я плечами, стараясь казаться равнодушной.

Это почему-то получается с трудом. Лев красивый мужчина и знает об этом. Понимает, как произвести впечатление, как надавить и где отступить, поразив партнершу показным равнодушием. Он умелый игрок в любовь, а я слишком устала и слишком стара для подобных партий.

– На вас тяжело произвести впечатление, – ворчит он, касаясь моей щеки костяшкой пальца. Его прикосновения будоражат меня, пробуждая давно позабытые ощущения томления в груди.

Я не хочу испытывать больше ничего. Желаю, чтобы раненое сердце превратилось в камень и больше не ощущало ни единой эмоции. Чтобы оно отдохнуло от потрясений.

Втягиваю в себя воздух, когда Лев берет мое лицо за подбородок и поворачивает к себе.

– Если вы продолжите, я уволюсь.

– Я не дам вам уйти, Валентина... – шепчет он, впиваясь в меня страстным взглядом.

– Вы все усложняете.

– Что сложного в том, что вы мне нравитесь? – усмехается Лев, а я, наконец, нахожу в себе силы, чтобы убрать его руки.

– Вам нужна женщина моложе и наивней меня, Лев Арсеньевич. Мне претят игры, в которые вы играете.

Он отстраняется. В карих глазах напротив я вижу обиду, которая быстро исчезает.

– Так вот кем я кажусь, да? Человеком, который привык играть?

Тихо усмехаюсь:

– Вы сами еще не определились, играете или нет. А у меня нет сил наблюдать за этим. Впереди меня ждет тяжелый бракоразводный процесс. Мне сейчас не до ухаживаний. Простите, Лев Арсеньевич, за прямоту, но говорю как есть.

– Спасибо за честность.

Я киваю и открываю дверь автомобиля. Мы уже приехали, и я хочу побыстрее попасть домой.

Но как только я выхожу из машины, вслед мне доносится:

– Это еще не конец, Валентина Дмитриевна...

Глава 4

Лев

Такое отвратительное настроение у меня было в последний раз около года назад, когда компания, в которой я работал ранее, получила партию некачественного сыра.

Прохожу вглубь своей квартиры, швыряю ключи от машины на стол. Плюхаюсь в кресло и стискиваю руки в кулаки, едва удерживая себя от желания что-нибудь разбить.

Не думал, что Валентина такая упертая.

“Что же мне сделать? Может, сломать карьеру ее муженьку? Или не лезть?..”

Звонит телефон. Мне хочется запустить им в стену, но когда я вижу, что на дисплее высвечивается имя личного помощника, отвечаю:

– Я тебя слушаю.

– Лев Арсеньевич, вы просили разузнать информацию на лучшего работника юридического отдела Георга Яковлевича Казаковского, – раздается ровный голос в трубке.

– Нашел что-то?

– Обижаете. Информацию отправил вам на электронную почту.

– Понял. Спасибо.

Включаю ноутбук, сажусь в кресло, внутренне подбираюсь. Почему меня так интересует личная жизнь Валентины?

Она ясно дала понять, что мой интерес ее тяготит. Но, вопреки её словам, мне хочется ей помочь, как-то поддержать.

Несмотря ни на что я все же хочу разобраться в происходящем. И найти ниточки, за которые можно подергать...

Открываю почту, пристально всматриваюсь в присланный документ.

“Казаковский Георг Яковлевич”.

Почему-то факт, что Валя носит фамилию этого типа, мне неприятен.

“Алмазова Валентина Дмитриевна... Что? Почему я примеряю к ее имени свою фамилию?.. Так, ладно, что там дальше? Казаковский Георг Яковлевич, ведущий юрист... Договор на оказание услуг с Тимашевским Андреем Романовичем, адвокатом по бракоразводным делам. Что там Валя говорила? Ей предстоит тяжелый бракоразводный процесс? Против прыткого юриста, да еще и с поддержкой специалиста по разводам, будет сложно устоять...”

Вспоминаю кусок разговора, услышанного мной. Что там Светочка говорила про квартиру?

Хищно ухмыляюсь. Эти двое наверняка попробуют обобрать Валентину до нитки. Гнев опалает меня с такой силой, что сжимаются кулаки.

– Нашли наивную идиотку и пытаются ее “обуть”, – бормочу себе под нос и тут же удивляюсь самому себе. Какого черта меня вообще волнует ее благосостояние? Ее личная жизнь не мое дело, как она сама мне и сказала.

Отметаю гнев прочь и вновь вчитываюсь в документ.

“В браке почти 23 года... Черт побери! Да он наверняка у нее первый, вот почему она так переживает. Детей нет, недвижимость, вклады в ценные бумаги, предметы роскоши... Вот же говнюк, даже цацки, подаренные жене за годы брака, делить собрался...”

Отрываюсь от документа. Достая сигарету из золоченого портсигара, прикуриваю. Губы растягивает дьявольская усмешка:

– Так-так-так, господин Казаковский... Решили устроить своего супруге веселую жизнь? Славно...

Потому что теперь я знаю, на ком могу сорвать свою злость.

Утро начинается для меня с неприятного сюрприза. Звонит мама. Ещё даже не подняв трубку, знаю, что она снова будет стонать и плакать. Потому что последний год она звонила лишь для того, чтобы пожаловаться на то, что я не женат и что пора бы уже обзавестись семьей. Или чтобы в очередной раз занять денег.

Тяжело вздыхаю и беру трубку:

– Да, мама?

– Доброе утро, Лев, – с удивлением отмечаю, что голос у нее в этот раз энергичный и бодрый. Это настораживает еще больше.

– Доброе... Ты по какому вопросу?

– Как ты разговариваешь с родной матерью? – оскорбляется она.

Хмыкаю. Странная женщина. Упрекает меня в холодности, а сама видела в последний раз пять лет назад. Сидела бы на своей Сицилии, да не бухтела о внуках. Тем более, что одна внучка у нее уже есть.

– Ладно, – быстро спохватывается она. Ее голос становится вкрадчивым и немного виноватым. Таким, каким бывает лишь тогда, когда она просит деньги.

– Сынок, ты не можешь перевести мне еще сто тысяч?

– Рублей? – лениво интересуюсь я.

– Какие рубли? – возмущается она, вкрадчивость быстро пропадает из голоса. – Хочешь, чтобы родная мать по миру тут пошла? Евро!

Приподнимаю брови. Аппетиты маман растут, как на дрожжах.

– Что такое? Ты быстро просадила те семьдесят тысяч долларов, которые я прислал тебе в прошлом месяце.

– Я хочу попасть на один показ... – мурлычет она. – Ты же поможешь мне?

– Я переведу тебе пятьдесят тысяч долларов и ни единым центом больше.

– Но это даже меньше, чем в прошлом месяце!

– Это наказание за жадность. Либо так, либо никак, – мое терпение лопається. – Выбирай.

– Ладно, чертов скряга! Пятьдесят так пятьдесят! – даже через динамик слышу, как скрипят ее зубы от злости, и улыбаюсь:

– Пока, мам.

Сбрасывает звонок первая. А я уже ничему не удивляюсь. Когда она в последний раз спрашивала, как у меня дела? Как я себя чувствую? Не заболел ли? Уже и не помню.

– Да, в моей жизни явно не хватает заботливой женщины... – бормочу себе под нос, глядя как экран мобильного вновь загорается входящим. На этот раз звонит “бывшая”.

Мне не хочется ей отвечать. Не желаю разговаривать. Но... Есть одно маленькое “но” с большими голубыми глазами, пухлыми щечками и длинными русыми волосами, которое зовет меня “папой”. Моя милая Маргаритка, которая живет с Эллой.

– Слушаю, – коротко бросаю я, беря трубку.

– Малыш, – мурлычет бывшая. – Я так рада, что смогла до тебя дозвониться...

Меня передергивает. Даже раньше, когда я был по уши влюблен в Эллу, меня раздражало это прозвище, а теперь уж и подавно. Как можно называть почти сорокалетнего здорового мужика, у которого есть свой бизнес, малышом? С дуба что ли рухнула? Или ботокс в мозг протек?

– Что тебе нужно? Говори быстрее, я занят, – едва сдерживаю раздражение.

Элла – ошибка моего прошлого и неприятная часть на-

стоящего. Первая любовь, которая окончилась болью. В какой-то степени я понимаю Валентину с ее разбитым сердцем. Мы жили с Эллой пять лет, а тут 23 года... Такое просто так не забыть.

– Ты не мог бы забрать Риту с детского садика?

– Я-то заберу, а ты сама где будешь?

– У меня сегодня последний сеанс лазерной эпиляции, я никак не могу его пропустить. На следующей неделе показ моды в Милане, я обязана на нем быть. Франческо создал такой костюм, я буду в нем словно богиня...

Я настораживаюсь.

– А Риту ты куда денешь? Не с собой же повезешь?

– Нет, конечно! Я найму ей няню...

– Не нужно никаких чужих людей рядом с ребенком! – рывкаю я зло. – Пусть остается у меня!

В памяти все еще живо воспоминание о том, как меня в детстве пытались похитить. Покойный ныне отец был политиком, и через мое похищение на него пытались надавить. Он быстро решил ситуацию, но впечатления о том дне остались со мной на всю жизнь.

– Я не доверю свою дочь незнакомому человеку, – цежу сквозь зубы.

– Ты просто душка! Я знала, что на тебя можно положиться! – с восторгом пищит Элла, а потом ее тон вдруг становится томным: – Малыш, а может я вечером приеду и мы вспомним много приятного?..

– Нет, – резко парирую я. – У меня нет на это времени. Кладу трубку.

Она все еще пытается вернуть меня. Но после той измены я больше не воспринимаю Эллу как женщину.

На работу приезжаю в самом мрачном расположении духа. Но не забываю заглянуть к своему милому главному бухгалтеру. И когда захожу в ее кабинет, то вижу огромный букет красных роз, которые стоят в вазе на полу. Их такое огромное количество, что они попросту не могут стоять на столе.

– Это кто вам такое подарил?

Настроение становится еще хуже, когда Валентина бросает на меня равнодушный взгляд, а затем переводит его на букет.

– Иван, – бросает она тихо. – Нужно сказать ему, что я не люблю эти цветы.

– Я сам скажу, – рычу также тихо. – Чертов донжуан!..

Валентина насмешливо смотрит на меня поверх очков-половинок, и я поспешно добавляю:

– Даже не думайте нас сравнивать!

– Я ничего не говорила.

– Просто вижу ваше лицо...

– И что? – она уже открыто улыбается. А мне вдруг так нравится ее улыбка, что сердце бьется от нее быстро-быстро.

ро...

– Ничего... – бурчу я, а сам думаю:

“Красивая ты, Валентина Дмитриевна... Как бы сделать так, чтобы почаще улыбалась?..”

Валентина

Суббота не задаётся с самого утра. Тишина, стоящая в квартире давит, в глазах стоят невыплаканные слезы. И я не знаю, сколько буду пребывать в подобном состоянии.

Несмотря на то что Георг съехал, оставив в шкафу – и в душе – зияющую пустоту, я до сих пор ощущаю его присутствие здесь. Его вещи исчезли, но его призрак – нет. Он витает в каждом углу, в тени от лампы, в монотонном тиканье часов, отсчитывающих время, которое теперь принадлежит только мне. Валентине Дмитриевне Казаковской. Главному бухгалтеру крупной фирмы по производству косметики. Женщине без мужа. Женщине без детей. Весьма уже немолодой женщине, которая абсолютно не знает, что с ним, временем, теперь делать. Наверное, так и ощущается фантомная боль?

В голове крутятся не цифры отчетов, а образы. Георг, его торжествующее лицо, когда он сообщил, что его любовница – “яркая”, с которой он “снова чувствует себя мужчиной” – ждет ребёнка. Его ребёнка. Ребёнка, которого я так и не смогла ему родить. Которого я так отчаянно хотела и кото-

рый дважды ускользал из меня в кровавых муках.

Теперь его ребёнок родится и будет жить. А моё материнство останется вечным “почти удалось”, осевшим горьким осадком на душе.

Отчаянно трясую головой. Нет. Нельзя об этом думать! Не сейчас. Нужно... что-то делать. Что-то твёрдое, знакомое, не требующее чувств. Вспоминаю, что так и не добила квартальный отчет. Тот самый, с которым я ковырялась вчера допоздна, пытаюсь заглушить жгучую обиду на... на всех. На Георга. На жизнь. На Льва Арсеньевича.

Лев. Генеральный директор. Мой начальник. Мужчина, который после того, как Иван – друг моего детства, – прислал огромный букет роз “без повода, просто порадовался новой встрече”, вдруг сбавил свои привычно настойчивые обороты. Его приглашение на “свидание в ресторане вечером в пятницу” как ветром сдуло. Словно конкуренция, которой, впрочем, не существует, знатно охладила его пыл. Чему я, признаться, только рада.

Одна мысль о флирте, о внимании мужчины, даже такого харизматичного и притягательного, как Лев, вызывает у меня тошнотворную усталость. Все силы уходят на то, чтобы просто держаться на плаву. Не разбиться вдребезги. А впереди ещё бумажная война – развод с Георгом, делёж имущества. Мне сейчас ни к чему новые сложности. Ни к чему вообще ничего, кроме работы. Мысль, что я могу ввязаться в новые отношения, вызывает ужас. Я не готова больше ниче-

го строить. Георг хорошенько постарался отбить у меня всяческое желание.

Поэтому работа звучит как спасение. Я быстро одеваюсь в практичный деловой костюм. Привычная броня выступает против субботней тоски, делая меня в разы собранней. Выключаю свет и выхожу из квартиры, которая больше не чувствуется домом, уютным семейным гнёздышком.

Офис в субботу – это царство безмолвия. Знакомый запах свежести, бумаги и чего-то едва уловимого, дорогого – пробников новой коллекции. Мои шаги гулко отдаются в пустых коридорах. Вхожу в свой кабинет. Занавески открыты, серое небо льет тусклый свет на стол, заваленный папками. Включаю компьютер. Иду на кухню, варю крепкий кофе в тишине, нарушаемой только бульканьем машины. Никаких разговоров, стука клавиш, телефонных звонков. Словно я осталась совсем одна в этом мире, хотя, по сути, так и есть.

“Так... Гони все эти упаднические мысли”, – велю себе. Беру горячую чашку в руки. Аромат бодрит, обещая хоть какую-то ясность.

Возвращаюсь за стол. Первая чашка кофе. Первые цифры на экране. Мир балансов, дебетов, кредитов, налоговых ставок... Он понятен. Предсказуем. В нём нет предательств, нет разбитых надежд на материнство, нет мучительных вопросов “почему я?” и “как он мог?”. Здесь я не брошенная немолодая женщина, а Валентина Дмитриевна, профессионал своего дела. Здесь я, в отличие от жизненных обстоя-

тельств, действительно сильна.

Погружаюсь в цифры, как в прохладную, успокаивающую воду. Минута, другая... мысли начинают упорядочиваться, боль отступает, притупляется, заменяясь сосредоточенностью.

Внезапно дверь кабинета тихонько скрипит. Я отрываю взгляд от экрана, ожидая увидеть уборщицу или забывшего что-то сотрудника, заглянувшего поздороваться. Но в проеме стоит... маленькая девочка.

На вид ей лет пять. Два пушистых белокурых хвостика торчат по бокам головы, как маленькие антенны или забавные усики у букашки. Большие, небесно-голубые глаза с детским любопытством разглядывают меня и мой кабинет. На ней ярко-розовая курточка и джинсы с блестками.

– Привет, – звонко говорит она, не смущаясь ни капли. – А ты чего здесь делаешь?

Я замираю. Полная неожиданность. В субботу. В офисе. Ребёнок.

– Работаю, – отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри что-то резко колет. Такой непосредственности, такой жизни я давно уже не встречала. Дети наших друзей давно выросли, но для внуков ещё рановато. Поэтому эта крошка мгновенно вызывает у меня тёплые чувства.

– Ааа... – протягивает она, кивая с понимающим видом. – А как тебя зовут?

– Валентина Дмитриевна, Валя, – представляюсь я авто-

матически. И, чувствуя себя немного нелепо, спрашиваю: – А тебя?

– Рита! – радостно выпаливает она и делает шаг внутрь, осматривая мой стол с явным интересом. – У тебя тут много бумажек.

– Да, Рита, много, – соглашаюсь я. Сердце почему-то стучит чуть чаще. Эти глаза... такие ясные, бездонные. – А ты как сюда попала? Ты одна? Заблудилась?..

– Не-а! – качает головой Рита. – Я с папой пришла! Он там... – она машет рукой куда-то в сторону коридора.

И в этот самый момент, как по злому режиссёрскому замыслу, в дверях кабинета появляется он. Лев Арсеньевич. Высокий, подтянутый, в обычной для него идеальной рубашке с открытым воротом, но сегодня – без пиджака, что придает ему необычную домашность. На его лице – смесь облегчения и легкой досады.

– Ритка! Слава богу, вот ты где! – его голос, обычно такой уверенный и властный, сейчас звучит по-отечески мягко и устало. – Я же просил никуда не уходить!

“С папой”. В голове щёлкает. Генеральный директор. Лев Арсеньевич. У него, конечно же, есть семья! Семья, о которой он предпочитает никогда не говорить на работе. О которой я... не думала, не подозревала даже о её существовании. Да и вряд ли вообще кто-то в офисе в курсе!

В голове проносятся обрывки разговоров, его пристальные взгляды и откровенный флирт, его внезапное охлажде-

ние после цветов от Ивана... И вот она. Дочка. Живое, неоспоримое доказательство его другой, настоящей жизни.

Он направляется к девочке, но его взгляд скользит ко мне. И наши глаза встречаются.

В его взгляде – мгновенная растерянность, смущение, даже вина. Он явно не ожидал найти меня здесь. В субботу. И уж тем более не ожидал, что его дочь ворвется именно в мой кабинет. Я вижу, как он пытается собраться, нацепить на лицо привычную маску начальника.

В этот момент меня накрывает волной такой горькой, такой пронзительной ясности, что дыхание перехватывает. Я вижу его – отца. Вижу эту маленькую девочку с его глазами. Вижу картину целой, нормальной семьи, которая у него есть. Которая скрывалась за его деловым имиджем и... и его недавними, почти неуловимыми попытками сближения со мной. С его случайной... любовницей.

Глава 5

“Минутное увлечение”, – слова всплывают в сознании сами, острые и безжалостные. Они причиняют почти физическую боль. Не такую сильную, как вспыхнула, когда я узнала о предательстве мужа. Другую. Ведь теперь предают со мной.

Я настолько жалкая, что гожусь только для этого? Для заигрываний на работе, для секса на одну ночь, для очередной засечки в череде его завоеваний, пока дома его ждёт семья? Это всё, что я могу значить? Отдушина для скуки? Мимолетная интрижка для мужчины, у которого есть живая, дышащая дочь, жена где-то там, дом, наполненный детским смехом? Всё, что мне недоступно. Всё, чего у меня никогда не будет.

Кажется, меня тошнит. Горечь подкатывает к горлу, кислая и обжигающая. Я чувствую, как все мышцы лица напрягаются, пока я пытаюсь сохранить нейтральное, профессиональное выражение. Не дать ему увидеть эту внезапную боль, это жгучее осознание собственной неполноценности и ненужности в его – и чьей-либо – настоящей жизни.

– Пап, смотри, я Валю нашла! – весело сообщает Рита, хватая отца за руку и показывая на меня.

Лев Арсеньевич кашляет, его взгляд снова прилипает ко мне. В нём читается немой вопрос, извинение, замешательство.

– Валентина Дмитриевна... – начинает он, голос звучит чуть хрипло. – Я... извините. Мы тут ненадолго, мне срочно понадобилось решить кое-что в офисе... А Риту не с кем оставить дома, вот и...

– Ничего страшного, Лев Арсеньевич, – перебиваю я его, и мой голос звучит на удивление ровно, холодно и отстраненно. Голос не глубоко обиженной женщины, а главного бухгалтера, который просто зашёл в выходной доделать отчет. – Работаю над квартальным. Рита... очень милая девочка.

Я улыбаюсь Рите. Можно ли назвать улыбку искренней? Наверное. Её непосредственность трогает какую-то глубокую, давно забытую струну. Да и в конце концов ребёнок точно ни в чём не виноват!..

Но эта улыбка не доходит до глаз. И уж точно не доходит до Льва Арсеньевича. Взгляд, которым я его встречаю, должен быть таким же ледяным, как и горечь внутри. Понятным. Окончательным.

Он видит это. Видит стену, которая вырастает между нами в считанные секунды, возведенная белокурыми хвостиками и голубыми глазами его дочери. Его лицо каменеет.

– Пап, пойдем, ты обещал найти фломастеры! – тянет его за руку Рита, уже потеряв ко мне интерес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.